

Р Ъ Ч Ъ

по принесеніи присяги дворянствомъ Харьковской губерніи, предъ началомъ очередныхъ выборовъ, 15 октября 1885 года.

Благородные дворяне!

Присутствіе ваше при торжественномъ богослуженіи и данная вами присяга указываютъ на важность предстоящаго вамъ дѣла выборовъ достойныхъ общественныхъ дѣателей. Что-бы ни говорили поборники ученія о независимомъ отъ нашей воли, безостановочномъ прогрессѣ человѣчества, но опытъ свидѣтельствуетъ, что дѣла дѣлаются людьми, что дѣло растеть въ рукахъ способныхъ и разваливается въ рукахъ неумѣлыхъ. Это одинаково вѣрно какъ относительно частной, такъ и общественной дѣятельности. Въ предводительствѣ государственныхъ людей мудрыхъ и добродѣтельныхъ народы идутъ въ гору, къ преуспѣянію и совершенству; при управленіи людьми неспособными и безнравственными не только идутъ подъ гору, но и летять стремглавъ въ пропасти междоусобій, нищеты, порабощенія и исчезновенія съ лица земли. Такъ говоритъ исторія, свидѣтельство которой убѣдительно въ всякихъ умозрѣній.

Поэтому наша Церковь всегда напоминала дворянству о безпристрастіи при выборахъ, объ избраніи людей мудрыхъ, честныхъ, благожелательныхъ, трудолюбивыхъ. Но мнѣ кажется, до нашего времени не было особенныхъ поводовъ напо-

минать объ одномъ чрезвычайно важномъ условіи благоуспѣшной общественной дѣятельности,—а слѣдовательно и о выборѣ людей способныхъ къ дѣятельности, опредѣляемой этимъ условіемъ,—именно о единомысліи и единомушіи. Между тѣмъ св. Апостоль Павелъ говоритъ: „я узникъ въ Господѣ, умоляю васъ поступать достойно званія, въ которое вы призваны,—стараясь сохранять единство духа въ союзѣ мира“ (Ефес. 4, 1—3). Указаніемъ на свои страданія за Христа,—„молю васъ я, узникъ въ Господѣ“, онъ даетъ намъ понятіе величайшую важность единомыслія, единомушія и мира въ дѣятельности не только общественной, въ смыслѣ народной, но и всемірной, въ смыслѣ христіанской.

Вы скажете: „это разумѣется само собою“; такъ,—но не все то дѣлается, что разумѣется. Опытъ свидѣтельствуетъ, что нынѣ разномысліе совершенно губить насъ. Посмотрите на дѣла управленія, воспитанія, промышленности, попеченія о народной нравственности и благосостояніи! Какой вопросъ мы рѣшили скоро, единомушно и единоголасно? Какую мѣру, требующую немедленнаго осуществленія, мы быстро привели въ исполненіе? О чемъ единоголасно, безъ розни, какъ ударами въ одинъ колоколь, возвѣстила намъ печать—эта руководительница народныхъ умовъ и воззрѣній? Какая коммиссія, какое засѣданіе не раздѣлились на мнѣнія по числу участвовавшихъ членовъ? Какое большое собраніе по дѣламъ общественнымъ окончилось безъ шума? А сколько важныхъ дѣлъ отъ разномыслія тянутся многіе годы! Сколько народныхъ бѣдствій и преступленій, не предупреждаемыхъ во-время законными мѣрами, множится на нашихъ глазахъ не по днямъ, а по часамъ отъ этого несогласія въ воззрѣніяхъ правителей! Сколько разбито, разстроено молодыхъ умовъ и разрушено молодыхъ силъ и характеровъ отъ этой любопытности и страсти къ возраженіямъ и пререканіямъ! Картина печальная.

Всякое царство, раздѣлившись само въ себѣ, опустѣетъ“, говоритъ Господь (Мѣ. 12, 25) и слово его не мимо идетъ (Мѣ. 24, 35). Какъ ни утѣшайте себя успѣхами просвѣщенія, развитіемъ гражданственности въ различныхъ ея ви-

дахъ,—разложене умовъ и происходящее отсюда разномыслие сдѣлають свое дѣло разрушенія. Отъ разности во взглядахъ люди смотрять въ разныя стороны, разно понимаютъ свои и общественные интересы, къ разнымъ предметамъ направляютъ свое сочувствіе, дробятъ и раздѣляютъ свои силы и своими собственными руками раздирають страну свою. Надобно только удивляться, какъ мы доселѣ не понимаемъ, какими великими бѣдствіями это разномыслие угрожаетъ нашему отечеству.

Истина одна. Объ одномъ и томъ-же предметѣ не можетъ быть двухъ совершенно различныхъ и противорѣчивыхъ мнѣній, какъ самый предметъ въ одно и то-же время не можетъ быть и не быть самимъ собою. Если люди расходятся въ мысляхъ и спорятъ между собою, это значитъ, что одна сторона, или обѣ не видятъ предмета въ настоящемъ его свѣтѣ, не видятъ истины. Говорять, что пренія ведутъ къ раскрытію и познанію истины. Правда, но при извѣстныхъ условіяхъ; а этихъ именно условій у насъ и недостаетъ. Будемъ откровенны и не пощадимъ себя во имя истины и для блага нашего отечества; раскроемъ эти недостатки наши какъ должно.

Во-первыхъ, *мы мало учимся*. Не возлагайте всѣхъ своихъ надеждъ на многочисленность и разнообразіе нашихъ учебныхъ заведеній. Каковы бы они ни были, они не дадутъ нашему народу людей истинно мудрыхъ, если ихъ воспитанники не продолжаютъ учиться во всю свою послѣдующую жизнь. Одинъ изъ знаменитыхъ нашихъ наставниковъ прежняго времени сказалъ: „не школа дѣлаетъ ученыхъ, а кабинетъ“. А посмотрите въ кабинеты большинства нашихъ образованныхъ людей,—чѣмъ они наполнены? Газетами для собиранія текущихъ новостей и книгами для легкаго чтенія. Мнѣ скажутъ: не всѣмъ-же быть профессорами. Правда. Но въ томъ-то и велика наша ошибка, что ученые, серьезные книги мы предоставляемъ однимъ профессорамъ и школьникамъ, а сами для обсужденія вопросовъ величайшей важности выступаемъ только съ тѣми свѣдѣніями, которыя подложатъ намъ на данный случай журналы и газеты, не имѣя возможности

судить о дѣлѣ самостоятельно и освободиться отъ этой умственной опеки, въ которой закрѣпили насъ писатели настоящаго дня самыхъ противорѣчивыхъ воззрѣній. Отъ того-то, по прекрасному нашему народному выраженію, мы и живемъ *чужимъ умомъ*. Между тѣмъ посмотрите, что отъ этой скудости въ основательныхъ познаніяхъ у насъ происходитъ. Прежде всего *крайняя самоувѣренность*. Кто у насъ не считаетъ себя въ правѣ судить и говорить, и спорить о всевозможныхъ вопросахъ, тогда какъ люди многознающіе, видя ясно предѣлы своего знанія, любятъ молчать и слушать и уступать другимъ, съ яснымъ сознаніемъ ихъ преимуществъ? Скажемъ больше: мы не имѣемъ общаго взгляда на совокупность человѣческаго знанія, мы не можемъ указать каждой наукѣ въ ряду знаній ея собственное мѣсто, мы перемѣшиваемъ предметы знанія и перемѣщаемъ ихъ изъ одной области въ другую вопреки ихъ природѣ; мы рѣдко сознаемъ, какой тѣсный кругозоръ имѣетъ избранная нами специальность и, обладая только ею, по праву образованныхъ людей, вторгаемся въ области высшаго знанія совсѣмъ для насъ недоступныя. И какъ часто съ разрозненными отрывками свѣдѣній, вырванныхъ изъ разныхъ областей человѣческаго знанія, мы беремся за рѣшеніе судебъ нашего народа и отечества.

Во-вторыхъ, *мы мало думаемъ*. При нашемъ воспитаніи, много намъ преподавали разныхъ наукъ, многими свѣдѣніями наполняли нашу память, но не было заботы о тщательномъ развитіи нашихъ умовъ и приученіи насъ къ строгому самостоятельному мышленію. У насъ и доселѣ руководящія въ этомъ отношеніи науки и упражненія, коихъ польза и благотворность вѣками признаны, находятся въ пренебреженіи. Что-же отсюда происходитъ? Въ нашихъ разсужденіяхъ и преніяхъ господствуютъ неточность опредѣленій, смѣшеніе понятій, уклоненіе отъ вопросовъ, непослѣдовательность въ выводахъ, неправильныя умозаключенія (софизмы), стремленіе разомъ выгрузить всѣ свои познанія, безъ соображенія, идутъ, или нейдутъ они къ дѣлу; а что всего хуже,—это привычка уклоняться отъ тщательнаго и труднаго разсужденія и поражать противника заученною фразою или бродячею чужою

сентенцію. Все это какъ въ нашей современной печати, такъ и въ устныхъ разсужденіяхъ затыгиваетъ пренія, затемняетъ вопросы, соглашеніе дѣлаетъ невозможнымъ, а если ко всему этому примѣшивается самолюбіе, пристрастіе и раздраженіе, то пренія и собранія теряютъ свое умственное и нравственное достоинство. Здѣсь, по выраженію великаго учителя нашей Церкви—Филарета, митрополита Московскаго, „порицаніе сражается съ порицаніемъ безъ надежды соглашенія“. И далеко улетають отсюда и истина, и справедливость, и благо отечества!

Далѣе,—есть еще нѣчто болѣе и вредное и опасное въ складѣ нашихъ умовъ и убѣжденій. Ложно поставленное просвѣщеніе *совершенно разъединило насъ* въ самыхъ основныхъ нашихъ возрѣніяхъ по главнѣйшимъ вопросамъ жизни человѣческой. Въ послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ въ каждое десятилѣтіе выходили на поприще нашей общественной дѣятельности люди съ самыми противоположными убѣжденіями. Не подготовленные надлежащимъ образомъ молодые ученые постоянно привозили намъ изъ-за границы, какъ нынѣ говорить, послѣднее слово науки. И этихъ послѣднихъ словъ накопилось такъ много, что наши общественные дѣятели изъ одного и того же народа, при своихъ разсужденіяхъ, перестали узнавать другъ друга. По ихъ рѣчамъ можно узнать, какой философской системы они представители и какого времени воспитанники. Вы встрѣтите (употребляемъ поневолю не церковныя выраженія) и рационалистовъ, и эмпиристовъ, и реалистовъ, и позитивистовъ, и деистовъ, и атеистовъ со всевозможными подраздѣленіями и оттѣнками. Если присоедините сюда людей, которые, не усвоивши никакой опредѣленной системы, набравши отовсюду всего по частямъ и по слуху, примѣняютъ свои отрывочныя познанія къ дѣлу и не къ дѣлу,—вы поймете тотъ хаосъ, который господствуетъ въ нашемъ умственномъ мірѣ. Могутъ-ли придти къ единогласному рѣшенію, на примѣръ, вопросовъ религіозныхъ люди, изъ которыхъ одинъ ни во что не вѣруетъ, другой говоритъ, что для него всѣ вѣры равны, третій—что вѣра, какъ переходная ступень развитія, нужна только для невѣжественныхъ массъ,

иной—признаетъ пользу церковныхъ богослуженій и обрядовъ, а другой почитаетъ ихъ напрасною тратою времени и утверждаетъ, что съ дѣтства нужно внушать людямъ любовь къ наукѣ предпочтительно предъ религіею? Можно-ли ожидать вѣрныхъ рѣшеній вопросовъ относительно, какъ нынѣ говорятъ, возвышенія *уровня народной нравственности* отъ мыслителей, изъ которыхъ одинъ почитаетъ средствомъ къ этому вліяніе Церкви, а другой—театры и общественныя удовольствія; одинъ рассчитываетъ на духовенство, а другой находитъ нужнымъ ограничить его вліяніе на народъ; одинъ требуетъ нравственнаго наблюденія надъ народомъ, другой проповѣдуетъ свободу совѣсти, подразумѣвая подъ этимъ великимъ словомъ совершенную безотвѣтственность; одинъ нарушенія закона [называетъ преступленіями, а другой—естественными послѣдствіями вліянія среды и организма тѣлеснаго, не заслуживающими ни осужденія, ни порицанія? Можно-ли ожидать соглашенія и по общественному благоустройству, когда у насъ существуютъ самыя противорѣчивыя мнѣнія и о власти, и о государственныхъ законахъ, и о внѣшнемъ наблюденіи за поведеніемъ гражданъ, и о приличіи, и о чести и проч.? Вотъ здѣсь собственно и можно видѣть, когда пренія приводятъ и когда не приводятъ къ соглашенію. Когда люди согласны въ общихъ воззрѣніяхъ, въ коренныхъ основаніяхъ для рѣшенія извѣстныхъ вопросовъ, но встрѣчаютъ недоразумѣніе, какъ согласить частный случай съ общимъ началомъ, тогда соглашеніе возможно; но когда идетъ споръ о самыхъ глубочайшихъ основаніяхъ вѣры, нравственности и общественнаго благоустройства, тогда не на чемъ ни утвердиться, ни согласиться; тогда слушая людей даже почтенныхъ по лѣтамъ и по вліянію на нашу общественную и народную жизнь, но совершенно расходящихся въ воззрѣніяхъ на основныя начала вѣры, знанія и жизни,—впадаешь въ отчаяніе, и не видя надежды на ихъ соглашеніе и переубѣжденіе, невольно вспоминаешь вопросъ Никодима, князя жидовскаго: *како можетъ человекъ родитися старъ сый?* (Іоан. 3, 4).

Наконецъ, главное наше заблужденіе и несчастіе состоитъ въ томъ, что мы, называясь народомъ христіанскимъ, или совсѣмъ отрицаемъ, или смутно сознаемъ вліяніе христіанства на жизнь общественную и государственную и на судьбы народовъ. Мы не вѣримъ, что христіанское ученіе проникаетъ во всѣ отрасли и развѣтвленія человѣческой жизни, что въ немъ, по Писанію, обѣтованія не только будущаго блаженства, но и земнаго благополучія (1 Тим. 4, 8). Признавъ съ чужаго голоса вѣру дѣломъ одного сердца и оставивъ ее каждому для его личнаго употребленія, такъ сказать для домашняго обихода, мы не заботимся и сами приобрѣсть и дать дѣтямъ нашимъ полное и цѣльное христіанское міросозерцаніе, обнимающее и научныя воззрѣнія, и всѣ виды и степени человѣческаго развитія, и законы государственные, и понятія юридическія, и народныя нравы и обычаи. Оттого мы и вышли на языческую почву исканія истины и снова дѣлаемъ опыты устройства царствъ и народовъ по соображеніямъ человѣческаго разума, давно въ теченіе вѣковъ доказавшаго свою слабость и недалковидность въ этомъ отношеніи. Поставивъ для очистки совѣсти законъ Божій въ программахъ воспитанія, мы держимъ его въ сторонѣ, какъ отдѣльную ни съ чѣмъ не связанную науку, и предположивъ, что вся сумма христіанскихъ познаній заключается въ учебникахъ, мы по окончаніи воспитанія не заглядываемъ ни въ Библію, ни въ творенія великихъ учителей Церкви, ни въ исторію Церкви и христіанскаго подвижничества, гдѣ раскрываются и высочайшія истины, и законы, и пути истиннаго человѣческаго совершенствованія. Отъ того какъ въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ всѣ науки врозь глядятъ, такъ и въ нашихъ сужденіяхъ и преніяхъ по вопросамъ жизни являются непримиримыя и безвыходныя противорѣчія. Мы въ своемъ самообольщеніи этого явленія не почитаемъ за великое бѣдствіе, но скоро опытъ докажетъ намъ это, если уже не доказываетъ.

Было время, когда наша Русь справедливо называлась святою, сознавая себя подъ руководствомъ Божиимъ; было время, когда народъ русскій мыслить и дѣйствовалъ какъ одинъ человѣкъ. Ему недоставало внѣшняго образованія и граждан-

скаго благоустройства; все это было нужно, все это желательно было приобрести, но зачѣмъ мы позволили сдвинуть себя въ области знанія съ основаній вѣры, и въ дѣлѣ жизни съ основаній христіанской нравственности, уставовъ Церкви и историческихъ преданій?...

Русское дворянство всегда честно служило отечеству. Оно спасало его отъ гибели въ години внѣшнихъ народныхъ бѣдствій, а теперь ему предлежитъ подвигъ спасти народъ отъ бѣдствій внутреннихъ, отъ умственного и нравственного растлѣнія. Два великія дѣла въ этомъ родѣ у васъ теперь на очереди. Вамъ поручено Высочайшею волею наблюдать за дѣломъ народнаго начальнаго обученія и народнаго отрезвленія. Да поможетъ вамъ Господь достойно совершить это призваніе: „старайтесь, по заповѣди Апостола, сохранять единеніе духа въ союзѣ мира“.
